

Чудесное посещение

Автор:

[Герберт Уэллс](#)

Чудесное посещение

Герберт Джордж Уэллс

Роман «Чудесное посещение» рассказывает историю ангела, случайно упавшего на землю, в провинциальный городок в Англии. Ангел ничего не знает о человеческой жизни, не понимает, что такое страх, голод или болезни. Живя среди людей, он каждый день сталкивается с косностью и жестокостью жителей городка. И чем дольше ангел остается на земле, тем больше сам становится человеком.

Герберт Уэллс

Чудесное посещение

Ночь Странной Птицы

I

В Ночь Странной Птицы в Сиддертоне (и ближе) многие жители видели сияние над Сиддерфордской пустошью. Но в Сиддерфорде его не видел никто, так как сиддерфордцы по большей части уже легли спать.

Весь день то и дело поднимался ветер, так что жаворонки в поле сбивчиво щебетали низко над землей, а когда решались подняться, их носило по ветру, как листья. Солнце зашло в кровавой сумятице туч, а месяц так сквозь них и не пробился. Сияние, говорят, было золотое, как зажегшийся в небе луч, и оно не лежало ровным отсветом – его повсюду прорезали зигзаги огненных вспышек, точно взмахи сабель. Оно возникло на одно мгновение, и темная ночь после него осталась, как была, такой же темной. «Природа» поместила о нем ряд писем и одну безыскусную зарисовку, которая никому не показалась похожей. (Вы можете ее увидеть, эту непохожую зарисовку сияния, на странице 42-й в томе ССIX указанного издания.)

В Сиддерфорде сияния не видел никто, но Энни, жене рыбака Дергана, не спалось в ту ночь, и она видела его отсвет – мерцающий золотой язычок, заплывавший на стене.

Она же была одной из тех, кто слышал звук. Кроме нее, слышал звук придурковатый Дерган Недоумок и мать непутевой Эмори. Они рассказывали, что прозвучало так, как будто запели дети или задрожали струны арфы, – внезапное гудение, какое иногда сам собою издает орган. Началось и тут же оборвалось, точно открыли и закрыли дверь, и ни до, ни после они ничего не слышали, кроме завывания ночного ветра над полем да рева в пещерах под Сиддерфордской скалой. Мать Эмори сказала, что ей, когда она услышала, захотелось плакать, а Недоумок только печалился, что не слышит их больше.

Вот и все, что вам могут рассказать о сиянии над Сиддерфордской пустошью и о якобы сопровождавшей его музыке. Действительно ли они как-то связаны со Странной Птицей, о которой пойдет рассказ, я не берусь судить. А ради чего я привожу здесь эти сведения, станет ясней из дальнейшего.

Появление Странной Птицы

Сэнди Брайт шел домой от Спиннера и нес свиной окорок, полученный им в обмен на стенные часы. Сияния он никакого не видел, зато и слышал и видел Странную Птицу. Ему вдруг послышалось вроде бы хлопанье крыльев и чей-то стон – женский как будто; а так как человек он нервный и был как есть один на дороге, он испугался и, оглянувшись (в холодном поту!), увидел что-то большое и черное в тусклой темноте кедровника на склоне холма. Оно несло, казалось, прямо на него, и, бросив свой окорок, он опрометью кинулся бежать, но тут же споткнулся и упал.

Напрасно старался он – в таком он был смятении духа – вспомнить начальные слова молитвы Господней. А Странная Птица кружила над ним – большая, больше его самого, с широченным разворотом крыльев и, как ему представилось, черная. Он завопил и уже подумал, что тут ему и конец. Но птица пронеслась мимо вниз по-над склоном холма и, взмыв над церковным домом, скрылась в тумане на долине ближе к Сиддерфорду.

А Сэнди Брайт все лежал ничком и глядел в темноту вслед этой Странной Птице. Наконец приподнялся и, встав на колени, возблагодарил милосердное небо, отвратившее от него неминуемую гибель, а сам поводил глазами вниз по склону холма. Сошел он вниз и, вступив уже в деревню, все разговаривал сам с собой и каялся вслух в своих грехах, чтобы Странная Птица не вернулась. Кто его слышал, думали все, что он пьян. Но с этой ночи он стал другим человеком: бросил пить и перестал обманывать казну, продавая без патента серебряные побрякушки. А окорок так и остался лежать на склоне холма, пока его наутро не подобрал хозяин кредитной лавки в Порт-Бердоке.

Следующим видел Странную Птицу конторщик нотариуса из Айпинг-Хенгера, вздумавший перед утренним завтраком подняться на холм, чтобы поглядеть на солнечный восход. Тучи за ночь разогнало ветром, и только несколько легких облаков таяло в ясном небе. Сперва ему почудилось, что он видит орла. Птица была где-то около зенита, в невообразимой дали, – просто светлое пятнышко над розовыми перистыми облаками, – и казалось, она трепетала и билась о небо, как пленная ласточка об оконное стекло. Потом она спустилась в тень земли, проскользнула по длинной дуге к Порт-Бердоку, сделала круг над Хенгером и исчезла за рощами Сиддермортон-парка. Она показалась очень большой – больше, чем в рост человека. Перед тем как ей скрыться, свет восходящего солнца хлестнул через гребень холмов и задел ее крылья – и они вспыхнули ярко, как огонь, а цветом, как драгоценные камни. Так она и пронеслась, а конторщик стоял и смотрел, разинув рот.

Какой-то батрак, направляясь в поле, проходил под каменной стеной Сиддермортон-парка и увидел, как Странная Птица промелькнула на миг над его головой и скрылась в одном из туманных просветов между буками. Цвета крыльев он не разглядел и только мог засвидетельствовать, что ноги птицы, голенастые длинные ноги, были розовы и голы – точно нагое тело, а туловище белое в крапинку. Она стрелой прорезала воздух и исчезла.

Таковы сообщения о Странной Птице первых трех очевидцев.

Однако в наши дни не может человек струхнуть перед дьяволом и собственными своими грехами или увидеть при свете зари радужные крылья – и после ничего об этом не рассказывать. Молодой конторщик нотариуса рассказал за завтраком о чуде сестре и матери, а после, когда шел на свою службу в Порт-Бердок, говорил о нем в дороге с хэммерпондским кузнецом и все утро, забросив переписку дел, судачил с другими конторщиками. А Сэнди Брайт пошел обсудить случившееся с мистером Джекилем, проповедником-примитивистом, пахарь же рассказал старому Хью, а позже еще и викарию Сиддермортонского прихода.

– Здешний народ не склонен к фантазиям, – сказал Викарий. – Хотел бы я знать, что в этом рассказе правда? Если отбросить, что крылья показались ему коричневыми, можно бы подумать, что это был фламинго.

Охота на Странную Птицу

III

Викарий Сиддермортонского прихода (что в девяти милях по птичьему полету в глубь страны от Сиддермута) был орнитологом. Холостой человек его положения почти неизбежно должен пристраститься к тому или другому занятию этого рода – ботанике, собиранию древностей, фольклору. Он увлекался еще и геометрией и от случая к случаю предлагал «Педагогическому вестнику» какую-нибудь неразрешимую задачу, но его коньком была орнитология. Он уже

добавил двух залетных гостей к списку редких для Британии птиц. Имя его не раз появлялось на страницах «Зоолога» (хотя сейчас, боюсь, оно уже забыто, жизнь так быстро шагает вперед!). На завтра после появления Странной Птицы к нему один за другим пришли двое и в подкрепление рассказа батрака – хотя прямой связи тут и не было – поведали о сиянии над Сиддерфордской пустошью.

У Сиддермортонского викария было в его научных занятиях два соперника: Галли из Сиддертонна – тот, что воочию видел сияние (это он послал в «Природу» его зарисовку), и Борленд, купец, увлекавшийся естественной историей и державший в Порт-Бердоке магазин «Диковинки моря». Борленду, полагал викарий, надо бы держаться своих головоногих, а он зачем-то нанял чучельника и, пользуясь преимуществом приморского жителя, ловил редких морских птиц. Каждый, кто знает, что такое коллекционер, мог не сомневаться, что и суток не пройдет, как оба эти человека кинутся обрыскивать местность в погоне за необычайной гостью.

Викарий сидел у себя в кабинете и уставил глаза в корешок книги Сондерса «Птицы Британии». Уже в двух местах там значилось: «Единственная известная в Англии особь представлена в частном собрании преподобного К. Хильера, викария прихода Сиддермортон». Третье такое примечание! Вряд ли кто другой из коллекционеров может похвалиться подобным успехом.

Викарий посмотрел на часы – ровно два. Он недавно откушал и обычно в этот час – после второго завтрака – «предавался отдохновению». Он знал, что если сейчас пройдет по солнцепеку, это плохо скажется на самочувствии – появятся боль в затылке и общая слабость. Но Галли уже, наверно, не зевает, вышел давно на охоту! Что, если птица весьма примечательная и достанется Галли?

Ружье стояло в углу. (Радужные крылья и розовые ноги! Несообразность окраски – вот что сильнее всего разжигало любопытство!) Он взял ружье.

Он думал выйти через стеклянную дверь на веранду, спуститься в сад и оттуда выбраться на верхнюю дорогу, чтобы не попасться на глаза своей экономке. Он знал, что та не одобряла его охотничьи прогулки. Но садом прямо на него шла жена его помощника и две ее дочери – все три с теннисными ракетками в руках. Жена его помощника была молодая особа непреклонной воли. Она преспокойно играла в теннис на лужайке перед его верандой, срезала его розы, расходилась с ним по богословским вопросам и во всеуслышание осуждала его поведение в частной жизни. Он пребывал в малодушном страхе перед ней, всегда старался

ее умиловать. Но поступиться своею страстью к орнитологии – это уж слишком!

Словом, он вышел через парадное.

IV

Если бы не коллекционеры, Англия, можно сказать, была бы полным-полна редких птиц, чудесных бабочек, странных цветков и тысячи интересных вещей. Но коллекционер благополучно предотвращает это, либо все истребляя своей рукой, либо же уплачивая сумасшедшие деньги и тем самым толкая людей низших сословий на истребление всего, что появится необычайного. Этим он заодно обеспечивает людям работу – наперекор всяким парламентским актам. Таким путем он, например, уничтожает корнуэльскую розовоклювую галку, батскую белую бабочку, пятнистую лилию «испанская королева» и может приписать себе честь окончательного истребления бескрылой гагарки, как и сотни других редких птиц, растений, насекомых. Все это прямая заслуга коллекционера и совершена им одним. Во имя науки! И это правильно, это так и должно быть; в самом деле, все необычное безнравственно (подумайте хорошенько – и вы сами придете к этой мысли), равно как необычный образ мысли есть безумие. (Попробуйте подыскать иное определение, пригодное для всех случаев как того, так и другого.) А если разновидность встречается редко, то отсюда следует, что она не приспособлена к жизни. Коллекционер, по сути дела, лишь солдат-пехотинец в дни, когда главенствует тяжелое оружие: он предоставляет сражающимся делать свое дело, а сам прирезывает сраженных. Итак, можно летней порой пройти из конца в конец всю Англию и увидеть только девять-десять видов самых обычных полевых цветов и еще более обычных бабочек да с дюжину обычных птиц, и ни разу не столкнуться с оскорбительным нарушением однообразия – не вспыхнет на ветке странный цветок, не встрепенется незнакомое крыло. Все лишнее забрано в коллекции многие годы назад. По сей причине мы все должны любить коллекционеров и свято помнить, когда они нам демонстрируют свои домашние коллекции, чем мы им обязаны. Эти их пропахшие камфарой маленькие ящики, их стеклянные витринки и альбомы из промокательной бумаги не что иное, как могилы Редкого и Прекрасного, символы Торжества Досуга (благодаря проведенного!) над Радостями Жизни. (Впрочем, это все, как вы справедливо можете заметить, не имеет никакого касательства к Странной Птице.)

Есть среди пустоши место, где между кочками влажного мха посверкивает черная вода и волосатая росянка (пожирательница беспечных насекомых) протягивает свои голодные окровавленные руки к Богу, который отдает одни свои творения на пропитание другим. По кромке болотца растут березы с серебряной корой, и светлая зелень лиственницы мешается с темной зеленью ели. Туда-то под медовое жужжание вереска и пришел Викарий в полуденный зной, неся ружье под мышкой, ружье, заряженное крупной дробью в расчете на Странную Птицу. А в свободной руке он держал носовой платок, которым поминутно отирал с лица бисеринки пота.

Он прошел бережком мимо большого пруда, мимо заводи, полной бурых листьев, где берет свое начало Сиддер, и по дорожке (сперва песчаной, потом меловой) вышел к калитке, ведущей в парк. К калитке нужно подняться на семь ступенек, а затем, по ту сторону, спуститься на шесть. Это устроено так с той целью, чтобы не могли убежать олени. И когда Викарий остановился в проходе, его голова возвышалась над землей футов на десять, если не больше. И вот, скосив глаза туда, где заросли папоротника-орляка заполняли просвет между двумя купами старых буков, он углядел что-то многоцветное, то взвивавшееся, то исчезающее. Лоб у него взмок, мускулы напряжились; он втянул голову в плечи, стиснул в руках ружье и застыл на месте. Потом, не отводя глаз, он спустился по ступенькам в парк и, все еще держа в обеих руках ружье, не пошел, а скорее пополз к той заросли орляка.

Ничто не шевельнулось, и он уже начал было опасаться, что его обманули глаза. Он подошел к папоротнику вплотную и под шумный шелест залез в него чуть не по плечи. Тут что-то переливавшееся разными цветами взвилось прямо перед ним, ярдах в двадцати, не больше, и забило в воздухе. Миг – и оно повисло над папоротником на полном развороте крыльев. Он увидел, что это такое, у него перехватило дыхание, и – от неожиданности и по привычке – он нажал курок.

Раздался крик нечеловеческой мушки, крылья дважды всплеснули в воздухе, и жертва быстро по косою слетела вниз и хлопнулась наземь, на зеленый косогор за буками, – куча корчащегося тела, сломанных крыльев и разлетающихся окровавленных перьев.

Викарий стоял в ужасе, сжимая в руке дымящееся ружье. Это была вовсе не птица, а юноша с необычайно красивым лицом, одетый в шафрановую ризу и с радужными крыльями, по перьям которых широкие волны тонов – вспышки пурпурного и багряного, золотисто-зеленого и ярко-голубого – накатывались волна на волну, пока он бился в агонии. Никогда еще Викарий не видел такого роскошного разлива красок: ни окна с многоцветными стеклами, ни крылья бабочек, ни даже великолепие разглядываемых через призму кристаллов – никакие цвета на земле не могли с этим сравниться. Ангел дважды поднимался, но лишь затем, чтобы тут же снова повалиться на бок. Потом биение крыльев затихло, испуганное лицо стало бледным, переливы красок потускнели, и вдруг он, рыдая, распластался на земле, и переменчивые цвета сломанных крыльев быстро угасли, слившись в однородный тускло-серый цвет.

– О, что со мной случилось? – вскричал Ангел (потому что это был Ангел) и затрясся в судороге, вцепившись в землю вытянутой рукой; потом затих.

– Боже! – сказал Викарий. – У меня и в мыслях не было... – Он осторожно подошел поближе. – Извините меня, – сказал он, – боюсь, я вас подстрелил.

Это было лишь утверждением очевидного.

Ангел, казалось, только сейчас заметил его присутствие. Он приподнялся, опершись на одну руку, и карими своими глазами посмотрел Викарию в глаза. Затем, подавив стон и прикусив нижнюю губу, он через силу приподнялся и сидя оглядел Викария с головы до ног.

– Человек! – сказал Ангел, зажав виски ладонями. – Человек в нелепейшей черной одежде и без единого перышка. Значит, я не обманулся. Я в самом деле попал в Край Сновидений!

Викарий и Ангел

Есть вещи явно невозможные. Эту ситуацию даже самый слабый интеллект признает невозможной. То же, верно, скажет о ней и «Атенеум», если удостоит нашу повесть рецензией. Папоротник в брызгах солнечного света, развесистые буки, Викарий и ружье, в общем, приемлемы. Другое дело Ангел! Любой здравомыслящий человек вряд ли станет читать дальше такую сумасбродную книгу. Викарий и сам вполне оценил всю немыслимость положения. Но у него не хватило решимости. Вследствие этого он, как вы сейчас узнаете, не отринул немыслимое. Он разомлел, он плотно перед тем позавтракал, он не был настроен вдаваться в тонкие умствования. Ангел захватил его врасплох, а дальше сбил его с толку сперва неуместным радужным свечением, а затем сильным трепетом крыльев. Викарию поначалу не пришло на ум спросить себя, возможен ли Ангел или нет. В тот первый миг растерянности он его принял – и беда свершилась. Поставьте себя на его место, мой уважаемый «Атенеум». Вы пошли на охоту. Вы кого-то подстрелили. Уже это одно должно привести вас в расстройство. Вы видите, что подстрелили Ангела и он минуту бьется на земле, потом, приподнявшись, заводит разговор. Он не извиняется за свою немыслимость. Напротив, он перекладывает вину на вас. «Человек! – говорит он, тыча пальцем. – Человек в нелепейшей черной одежде и без единого перышка. Значит, я не обманулся. Я в самом деле попал в Край Сновидений!» Вы просто должны ответить. Если только вы не дали стрекача. Или должны размозжить ему череп вторым зарядом, чтобы избежать объяснений.

– В Край Сновидений! Извините меня, если я осмелюсь высказать предположение, что вы сами явились оттуда, – заметил Викарий.

– Как это может быть? – сказал Ангел.

– У вас из крыла сочится кровь, – сказал Викарий. – Прежде чем продолжать разговор, доставьте мне такое удовольствие... печальное удовольствие... и разрешите мне его перевязать. Я, право же, искренне сожалею... – Ангел закинул руку за спину и передернулся от боли.

Викарий помог своей жертве встать на ноги. Ангел послушно повернулся, и Викарий, с охами и вздохами, внимательно осмотрел пораненные крылья. Он не без любопытства обнаружил, что они сочленяются с верхним внешним краем лопаток, образуя как бы дополнительные плечевые суставы. Левое крыло почти не пострадало – только оказались выбиты два-три прави?льных пера да парочка дробинок застряла в *ala spuria*[1 - В ложном плече (лат.)]; но в правом была, по-

видимому, перебита кость. Викарий, как умел, остановил кровотечение и подвязал крыло, использовав вместо бинта свой носовой платок и кашне, которое экономка заставляла его носить во всякую погоду.

– Боюсь, некоторое время вы не сможете летать, – сказал он, ощупывая кость.

– Мне не нравится это новое ощущение, – сказал Ангел.

– Эта боль при ощупывании кости?

– Как вы сказали? – спросил Ангел.

– Боль.

– Боль! Вы называете это «болью». Да, боль мне решительно не нравится... Много ее у вас, этой боли, в Краю Сновидений?

– Увы, немало, – сказал Викарий. – Для вас она внове?

– Совершенно внове, – сказал Ангел. – Она мне не нравится.

– Занятно! – сказал Викарий и для крепости прикусил узел зубами. – Полагаю, как временная перевязка это сойдет, – сказал он. – Я в свое время обучался оказывать первую медицинскую помощь, но меня не учили накладывать повязку на крыло. Боль не стала легче?

– Сперва жгло огнем, а теперь печет, – сказал Ангел.

– Боюсь, печь будет еще довольно долго, – заметил Викарий, все еще занимаясь раной.

Ангел пожал левым крылом и круто повернулся, чтобы еще раз посмотреть на Викария. Он, пока шел разговор, все пытался поглядеть на собеседника через плечо. Подняв брови, он оглядел его с головы до ног, и улыбка широко разлилась по его красивому, с нежными чертами лицу.

– Невероятно! – сказал он, мило усмехнувшись. – Разговаривать с человеком!

– Знаете, – сказал Викарий, – сейчас, когда я об этом думаю, мне равным образом кажется невероятным, что я разговариваю с Ангелом. Я привык трезво смотреть на вещи. Викарию иначе и нельзя. Ангелов я всегда мыслил как некое художественное понятие...

– Мы точно так же мыслим о людях...

– Но вы же видели столько людей...

– До этого дня ни одного. То есть на картинах и в книгах, конечно, сколько угодно. А сегодня с восхода солнца я видел уже немало настоящих, осязаемых людей и видел, кроме того, двух-трех коней – знаете, такие странные четвероногие, немного похожие на обычного единорога, только безрогого; и еще целый сонм уродливых, угловатых созданий, называемых «коровами». Я, понятно, слегка испугался при виде такого множества мифических чудищ и забрался сюда, чтобы спрятаться до темноты. Я полагаю, что немного погодя станет опять темно, как было вначале. Фу! С этой вашей болью шутки плохи. Хорошо бы поскорей проснуться.

– Мне что-то невдомек, – пробормотал Викарий, сдвинув брови и хлопнув себя ладонью по лбу. – «Мифическое чудище»! – Наихудшим ругательством, примененным к нему за долгие годы (неким сторонником отделения церкви от государства), было «пережиток средневековья». – Так ли я вас понял? Вы меня считаете чем-то... чем-то, что вам снится?

– Разумеется, – сказал с улыбкой Ангел.

– И весь мир вокруг меня, эти корявые деревья и разлапистые папоротники...

– Все это очень похоже на сон, – сказал Ангел. – Ну совсем такое, как может привидеться кому-нибудь во сне... или родиться в воображении художника.

– Так у вас есть среди ангелов художники?

– Художники всех разборов, ангелы с чудесным воображением – они изобретают людей, и коров, и орлов, и тысячи невозможных существ.

– Невозможных существ! – повторил Викарий.

– Невозможных существ, – сказал Ангел. – Мифических.

– Но я-то реален! – провозгласил Викарий. – Уверю вас, вполне реален.

Ангел пожал крылами и, вздрогнув от боли, улыбнулся.

– Я всегда могу отличить, снится ли мне что или я вижу это наяву, – сказал он.

– Вам и снится! – Викарий посмотрел по сторонам. – Вам снится! – повторил он. – У меня помутилось в голове.

Он протянул руку, вперед, шевеля всеми пальцами.

– Ага! – сказал он. – Кажется, я что-то себе уяснил. – Его и в самом деле осенила блестящая мысль. В конце концов он не даром изучал в Кембридже математику. – Попрошу вас: назовите мне несколько животных вашего мира... Реального мира, известных вам реальных животных.

– Реальных животных! – улыбнулся Ангел. – Что ж, есть у нас грифы и драконы... есть джаббервоки и... херувимы... и сфинксы и... гиппогрифы... и морские девы... и сатиры... и...

– Благодарю, – перебил Викарий, когда Ангел, казалось, только вошел во вкус. – Благодарю. Вполне достаточно. Я начинаю понимать.

Секунду он молчал, наморщив лоб.

– Да... Теперь я вижу.

– Что вы видите? – спросил Ангел.

- Грифы, сатиры и так далее. Ясно, как...

- А я их не вижу, - сказал Ангел.

- Нет, конечно. Все дело в том, что в этом мире их и не увидишь. Но наши люди с воображением, знаете ли, все нам о них рассказали. И даже мне иногда (здесь в деревне есть такие места, где вы просто должны все принимать так, как вам предлагают, а если нет, то это сочтут за обиду), даже мне, скажу вам, снились они не раз - джаббервоки, оборотни, мандрагоры... С нашей точки зрения, знаете ли, они создания из мира снов.

- Из мира снов! - молвил Ангел. - Как странно. Какой необычайный, удивительный сон! Все наизусть. Людей вы называете реальностью, ангелов - мифом. Это наводит на мысль, что каким-то образом должны существовать два мира...

- По меньшей мере два, - вставил Викарий.

- ...Которые лежат совсем близко друг от друга и при этом все же не подозревая...

- Близко, как в книге страница к странице.

- ...Проникая друг в друга, но живя каждый своею жизнью. Сон поистине упоительный!

- Да... А нам и во сне не снилось... То есть снилось только во сне!

- Да, - сказал Ангел задумчиво. - Так оно, верно, и есть - что-нибудь в этом роде. Мне теперь припоминается: иной раз, когда я засыпаю или когда задремываю под полуденным солнцем, мне вдруг привидятся странные помятые лица, вроде вашего, и деревья с зелеными листьями на ветвях, и вот такая несуразная, неровная земля, как здесь... Так оно, верно, и есть. Я упал в другой мир.

- Иногда, лежа в постели, - начал Викарий, - уже в полусне, я, случается, вижу лицо, такое же красивое, как ваше, и странную ослепительную панораму, чудесные картины, проплывающие мимо, парящие над ними крылатые тела,

расхаживающие взад и вперед дивные – а иной раз и грозные – образы. И мне даже слышалась порой звучащая в моих ушах сладостная музыка... Возможно, когда наше внимание отвлечено от чувственного мира, от давящего на нас окружающего мира, – например, когда мы переходим в сумрак отдыха, то другие миры... Совсем как со звездами: звезды, эти иные миры в пространстве, мы видим, когда отступает сияние дня... Художники-сновидцы, те видят подобные вещи более явственно...

Они посмотрели друг на друга.

– И я каким-то непостижимым образом упал из своего родного мира в этот ваш мир! – сказал Ангел. – В мир моих снов, ставших явью. – Он посмотрел вокруг. – В мир моих снов.

– Умопомрачительно! – сказал Викарий. – Это, пожалуй, наводит на мысль, что (гм-гм), что четвертое измерение все-таки существует. В каком случае, разумеется, – продолжал он с жаром, так как любил геометрические умозрения и даже несколько гордился своими познаниями в этой области, – можно мыслить любое число трехмерных миров: они существуют бок о бок, и каждый для другого – только смутный сон. Нагромождены мир на мир, вселенная на вселенную! Это вполне возможно. Нет ничего невероятнее абсолютно возможного! Но удивительно, как же это выпали вы из вашего мира в мой...

– Быть не может! – сказал Ангел. – Олень и лани! Совсем, как их рисуют на гербах. Но как все это дико! Неужели я и вправду не сплю?

Он протер глаза крепко сжатыми кулаками.

Шесть или семь пятнистых оленей прошли вереницей наискось через строй деревьев и остановились, приглядываясь. – Нет, это не сон, – сказал Ангел. – Я в самом деле подлинный, осязаемый ангел; ангел в Краю Сновидений.

Он рассмеялся. Викарий стоял, рассматривая его. Его преподобие скривил по своему обычаю рот и медленно поглаживал подбородок. Он спрашивал себя, не попал ли и он в Страну Снов.

В стране ангелов, как узнал Викарий из дальнейших разговоров, нет ни боли, ни горести, ни смерти, нет женитьбы и сватовства, рождения и забвения. Только временами возникают новые предметы. Это земля без холмов и долин, дивно ровная земля, где мерцают странные строения, где непрестанно светит солнце или полный месяц и непрестанно веют тихие ветры сквозь узорные сплетения ветвей, играя на них, как на эоловых арфах. Это Страна Чудес, где в небе парят сверкающие моря с плывущими по ним неведомо куда караванами странных судов. Там цветы пламенеют в небе, а звезды горят под ногами, и там дыхание жизни – улада. Земля уходит в бесконечность, – там нет ни солнечной системы, ни межзвездного пространства, как в нашей вселенной, – и воздух возносится ввысь мимо солнца в самую дальнюю бездну неба. И там все сплошь одна Красота. Вся красота наших пластических искусств – только беспомощная передача того, что смутно улавливает глаз, мельком заглянув в тот чудесный мир; а наши композиторы, самые своеобразные из наших композиторов – это те, кто слышит, хоть и еле-еле, прах мелодий, разносимый ветрами той страны. И всюду там расхаживают ангелы и дивные дивы из бронзы, мрамора и живого огня.

Это Страна Закона – ибо там у них, что ни возьми, все подчинено закону, – но их законы все как-то странно отличны от наших. Их геометрия отличается, потому что пространство у них имеет кривизну, так что всякая плоскость у них представляет собою цилиндр; и закон тяготения у них не согласуется с законом обратных квадратов, а основных цветов у них не три, а двадцать четыре. Фантастические, по понятиям нашей науки, вещи там зачастую – нечто само собой ясное, а вся наша земная наука показалась бы там бредом сумасшедшего. Так, например, на растениях нет цветков – вместо них бьют струи разноцветных огней. Вам это, конечно, покажется бессмыслицей, потому что вы не понимаете. Да и то сказать, большую часть того, что сообщил Ангел, Викарий не мог себе представить, ибо его личный опыт, ограниченный нашим материальным миром, жестоко спорил с его разумом. Это все было слишком странно и потому невообразимо.

Что столкнуло два эти мира-близнеца таким образом, что Ангел вдруг упал в Сиддерфорд, ни Ангел, ни Викарий не могли бы сказать. Не ответит на сей вопрос и автор настоящей повести. Автора занимают только связанные с этим случаем факты, но объяснять их он не расположен, считая себя недостаточно компетентным. Объяснения – это ошибка, в которую склонен впадать век науки.

Существенным фактом в данном случае явилось то, что в Сиддермортон-парке 4 августа 1895 года в отблеске славы одного из чудесных миров, где нет ни печали, ни горестей, и все еще верный ему, стоял Ангел, светлый и прекрасный, и вел разговор с Викарием прихода Сиддермортон о множественности миров. В том, что Ангел был ангелом, автор готов, если надо, дать присягу – но и только.

VIII

– У меня появилось, – сказал Ангел, – какое-то крайне непривычное ощущение – вот здесь. Оно у меня с восхода солнца. Я не помню, чтобы раньше у меня вообще бывали здесь какие-либо ощущения.

– Не боль, надеюсь? – спросил Викарий.

– О нет! Оно совсем другое, чем боль, – что-то вроде ощущения пустоты.

– Может быть, разница в атмосферном давлении... – начал Викарий, потирая подбородок.

– И знаете, у меня еще какое-то совсем особенное чувство во рту, – мне как бы... так нелепо!.. как бы хочется что-нибудь в него запихать.

– Ну да! – спохватился Викарий. – Понятно! Вы голодны.

– Голоден? – повторил Ангел. – А что это значит?

– У вас там не надо есть?

– Есть? Слово вовсе для меня незнакомое.

– Класть, понимаете, пищу в рот. Здесь иначе нельзя. Вы скоро научитесь. Если не есть, то становишься худым и несчастным, страдаешь от... от сильной... ну, понимаете... боли, и в конце концов ты должен умереть.

– Умереть! – сказал Ангел. – Еще одно непонятное слово.

– Здесь оно понятно каждому. Это значит, знаете, отбыть, – сказал Викарий.

– Мы никогда не отбываем, – возразил Ангел.

– Вы не знаете, что вас может постичь в этом мире, – начал Викарий и призадумался. – Если вы ощущаете голод и способны чувствовать боль и если у вас перебито крыло, то не исключено, что вы можете и умереть, прежде чем выберетесь отсюда. На всякий случай вам, пожалуй, неплохо бы поесть. Я бы, например... гм-гм! Есть много вещей, куда более неприятных.

– Наверное, – сказал Ангел, – мне и впрямь нужно есть. Если это не слишком трудно. Не нравится мне ваша «боль» и не нравится ваше «голоден». Если ваше «умереть» в том же роде, я предпочту есть. Какой странный, несуразный мир!

– Обычно считается, что «умереть» хуже, чем «боль» и «голод»... А впрочем, как когда.

– Вы все это должны будете объяснить мне позже, – сказал Ангел. – Если я не проснусь. А сейчас, пожалуйста, покажите мне, как надо есть. Если вы не против. Я чувствую как бы настоятельную потребность...

– Ах, извините, – спохватился Викарий и предложил ему руку. – Вы мне доставите большое удовольствие, если будете моим гостем. Дом мой не так далеко отсюда – мили две, не больше.

– Ваш дом? – сказал Ангел, немного озадаченный, но все же он с признательностью взял Викария под руку, и они, беседуя на ходу, медленно прошли сквозь буйные заросли орляка, испятанного солнцем, через листву деревьев, перебрались дальше по ступенькам, за ограду парка и, сделав милую с лишним по вереску под жужжание пчел, спустились с холма к дому.

Вы пленились бы этой четой, когда могли бы их видеть в тот час. Ангел – стройный и невысокий, едва пяти футов ростом, с красивым, немного женственным лицом, каким бы мог написать его старый итальянский мастер (есть в Национальной галерее холст неизвестного художника «Товий и Ангел» –

так Ангел там очень на него похож, те же черты, та же одухотворенность). На нем была только затканная пурпуром шафрановая рубашка, не прикрывавшая голых колен, ноги босы, крылья (перебитые теперь и свинцово-серые) сложены за спиной. Викарий – приземистый, изрядно толстый, краснощекий, рыжий, чисто выбритый и с ясными рыжевато-кариими глазами. На нем была крапчатая соломенная шляпа с черной лентой, весьма благопристойный белый галстук, часы на изящной золотой цепочке. Он был так занят своим спутником, что только когда показался в виду церковный дом, вспомнил, что его ружье осталось лежать, где он его выронил, – в заросли орляка.

Зато он был рад узнать, что боль в перевязанном крыле становится все легче и легче.

Отступление об ангелах

IX

Скажем начистоту: Ангел в нашей повести – это ангел художника, а не тот ангел, коснуться которого было бы нечестием, – не ангел религиозного чувства и не ангел народной веры. Последний всем нам знаком. Он – или, верней, она – одна среди ангельского сонма отчетливо отмечена женскими чертами: она носит платье безупречной, незапятнанной белизны, с широкими рукавами, и она блондинка – у нее длинные золотые кудри, и глаза небесно-голубые. Она чистейшая женщина – чистейшая дева или чистейшая матрона – в *robe de nuit*[2 - Ночная рубашка (франц.).] с прикрепленными к лопаткам крыльями. Ее призвание – добрые домашние дела: она склоняется над колыбелью или помогает вознестись на небо какой-нибудь родственной душе. Нередко она держит в руке пальмовую ветвь, но никто б не удивился, встретив ее заботливо несущей грелку какому-нибудь бедному зябкому грешнику. Это она в «Лицеуме» среди сонма подруг слетает в тюрьму к Маргарите в исправленной последней сцене «Фауста»; и примерным мальчикам и девочкам, которым суждена ранняя смерть, являются такие ангелы в романах госпожи Генри Вуд. Эта беленькая женственность с присущим ей неопишуемым очарованием отдающего лавандой благочестия, с ее ароматом целомудренной и правильной жизни, есть, по всей

видимости, чисто тевтонское изобретение. Латинская мысль ее не знает. У старых мастеров вы ее не найдете. Она сопричастна той милой наивной, дамской школе искусства, для которой величайшая победа – «слеза умиления» и в которой нет места остроумию и страсти, презрению и пышности. Белый ангел изготовлен в Германии, в стране белокурых женщин и семейственной сентиментальности. Он... то есть она, приходит к нам холодная и благоговеющая, чистая и невозмутимая, молчаливо-успокоительная, как ширь и тишина звездного неба, тоже несказанно дорогого тевтонской душе... Мы ее почитаем. И ангелов древних евреев, духов могучих и таинственных, – Рафаила, Задкиила и Михаила, чью тень уловил один лишь Уаттс, чей блеск увидел один лишь Блейк, – их мы тоже истинно почитаем.

Но Ангел, которого подстрелил Викарий, он совсем не тот, – не ангел итальянского искусства, многоцветный и веселый. Он пришел не из какого-нибудь святого места, а из Страны Прекрасных Сновидений. В лучшем случае, он создание римско-католическое. А потому отнеситесь терпимо к его потрепанному оперению и не спешите с обвинением в нечестии, пока не дочитаете повесть до конца.

В церковном доме

Х

Жена его помощника с двумя своими дочерьми и миссис Джехорем еще играли в теннис на лужайке перед окнами викариева кабинета, играли с жаром, болтая о выкройках для блузок. Но Викарий забыл о дамах и направился домой через сад.

Дамы увидели шляпу Викария над рододендронами, а рядом с ней чью-то непокрытую кудрявую голову.

– Я должна поговорить с ним о Сьюзен Уиггин, – сказала жена его помощника. Она приготовилась к подаче и стояла с ракеткой в правой руке и мячом между пальцами левой. – Он просто должен – должен как викарий навестить ее. Он, а

не Джордж. Я уже... Ах!

Та чета вдруг обогнула угол и показалась на виду. Викарий под руку с...

Понимаете, для милой дамы это было, как гром среди ясного неба. Ангел был обращен к ней лицом, так что крыльев она не увидела – только лицо неземной красоты в нимбе каштановых волос и грациозную фигуру, облаченную в шафрановую тунику, едва доходившую до колен. Мысль об этих коленях вдруг пронзила и Викария. Он тоже был поражен ужасом. Как и две девицы, как и миссис Джехорем. Все пятеро были поражены ужасом. Ангел в удивлении смотрел на группу пораженных. Видите ли, он никогда до тех пор не видел никого, пораженного ужасом.

– Ми-ис-тер Хильер, – сказала жена его помощника. – Это уж чересчур! – Минуту она стояла, онемев. – О-о!

Она резко повернулась к окаменевшим девицам. – Идемте! – Викарий открывал и закрывал безголосый рот. Мир вокруг него загудел и завертелся волчком. Взметнулся водоворот воздушных юбок, четыре дышащих негодованием лица проплыли в открытую дверь коридора, проходившего насквозь через весь дом. Викарий почувствовал, что с ними вместе уплывает его доброе имя.

– Миссис Мендхем, – заговорил он, рванувшись за ними. – Миссис Мендхем! Вы не понимаете...

– О-о! – хором простонали они снова.

Одна, две, три, четыре юбки скрылись в дверях. Викарий прошел, шатаясь, до середины лужайки и обмер.

– Вот что получается, – донесся до него голос миссис Мендхем из глубины коридора, – когда в приходе неженатый викарий... – Закачалась подставка для зонтов. Парадная дверь произвела четыре быстрых выстрела. Наступила тишина.

– Я должен был это предусмотреть, – сказал Викарий. – Она всегда излишне спешит.

Он по привычке поднес руку к подбородку. Потом повернулся к спутнику. Ангел был, как видно, хорошо воспитан. Он взял с плетеного кресла яркий зонтик миссис Джехорем, забытый ею впопыхах, и с глубочайшим интересом изучал его. Он его раскрыл.

– Какой забавный аппаратик! – заметил он. – Для чего он?

Викарий не ответил. Ангел был одет, несомненно... – Викарий знал, что тут был уместен какой-то французский оборот, но выпало из памяти, какой. Он так редко прибегал к французскому языку. Не «de trop»[3 - Чересчур (франц.).] – это он помнил. Что хотите, только не de trop. Ангел сам был de trop, но никак не его костюм. Ага! Sans culotte![4 - Букв. «без штанов» (франц.).]

Викарий сейчас впервые посмотрел на гостя критическим взглядом. – Да, трудно будет объяснить, – тихо укорил он самого себя.

Ангел воткнул зонтик в дерн и подошел понюхать душистый шиповник. На ярком солнечном свете его каштановые волосы походили сейчас на нимб. Он уколол палец.

– Странно! – сказал он. – Опять боль.

– Да, – сказал Викарий, размышляя вслух. – Он очень красив, и он интересней такой, как есть. Таким он мне нравится куда больше. Но боюсь, без этого нельзя!

Нервно кашлянув, он подступил к Ангелу.

XI

– Это, – сказал Викарий, – были дамы.

– Какая нелепость! – отозвался Ангел, улыбаясь и нюхая шиповник. – И какие причудливые формы.

- Пожалуй, - сказал Викарий. - Вы заметили... гм!.. как они себя повели?

- Они ушли. Мне даже показалось - убежали. Испугались? Я-то, понятно, испугался бескрылых созданий. Надеюсь... их не крылья мои испугали?

- Весь ваш вид в целом, - сказал Викарий и невольно покосился на розовые ноги.

- Вот как. Мне и в голову не приходило. Разумеется, я им показался так же странен, как вы мне. - Он глянул вниз. - И мои ступни. У вас-то копыта, как у гиппогрифа.

- Башмаки, - поправил Викарий.

- У вас это зовется «башмаки»? Все равно, мне жаль, что я их спугнул...

- Видите ли, - начал Викарий, поглаживая подбородок, - у наших дам, гм, особые... не совсем артистические взгляды относительно, гм, одежды. В вашем туалете вы, я опасуюсь, серьезно опасуюсь, что... как он ни красив, ваш костюм, вы... окажетесь в обществе, гм, несколько обособленным. У нас есть поговорка: «Пришел в Рим, так веди себя, гм, римлянином». Поверьте мне, если вы намерены... гм, общаться с нами во время... вашего невольного пребывания...

Ангел отступил на шаг и на другой, между тем как Викарий надвигался на него ближе и ближе в своем старании показать себя хорошим дипломатом и принять доверительный тон. На красивом лице гостя отразилась растерянность.

- Я не совсем понимаю, почему вы все время производите горлом эти шумы? Это связано с «умереть» или «есть» или с чем-то еще из этих ваших?..

- Как ваш хозяин, я... - перебил Викарий и запнулся.

- Как мой хозяин... - повторил за ним Ангел.

- Вы не откажетесь временно, пока мы не приспособим для вас что-нибудь более постоянное, надеть, гм, костюм - совсем новый, уверяю вас... такой, как на мне?

– О! – воскликнул Ангел. Он отступил подальше, чтобы оглядеть Викария с ног до головы. – Носить одежды такие, как на вас! – сказал он. Это и озадачило его и позабавило. Глаза его стали круглыми и яркими, в уголках рта заиграла морщинка.

– Чудесно! – сказал он и захлопал в ладоши. – Какой, однако, странный, сумасшедший сон! Где они, эти одежды? – Он схватился за вырез своей шафрановой ризы.

– Дома! – остановил его Викарий. – Пожалуйста за мной. Переоденемся... дома.

XII

Так Ангел был облачен в панталоны своего хозяина, рубашку, разрезанную вдоль спины (чтобы удобней устроить крылья), носки и туфли – парадные туфли Викария, воротник с галстуком и летний долгополый сюртук. Но когда надевали сюртук, снова дала себя знать боль, и это напомнило Викарию, что повязка наложена временная.

– Я позвоню, чтобы чай подали сейчас же, и пошлю Груммета за Крумпом, – сказал Викарий. – А обедать будем пораньше.

Пока Викарий выкрикивал в пролет лестницы свои распоряжения, Ангел в полном восторге разглядывал себя в трюмо. Если боль была ему чужда, то, видно, не чуждым (из-за снов, быть может) оказалось ему наслаждение несообразным.

Чай они пили в гостиной. Ангел сидел на рояльном табурете (на рояльном – из-за крыльев). Сначала он захотел лечь на коврик перед камином. В платье Викария он выглядел далеко не таким лучезарным, как там, на пустоши, одетый в шафрановую ризу. Его лицо все еще сияло, цвет волос и румянец на щеках были необычайно ярки, и в глазах его горел сверхчеловеческий свет, но крылья под сюртуком создавали впечатление горба. Смена одежды делала его вполне земным существом, штаны на нем морщились поперечными складками, туфли были ему сильно велики.

Он был очаровательно любезен и совершенно несведущ в самых элементарных вещах, связанных с цивилизацией. Как едят, он усвоил без особого труда, но Викарий немало повеселился, обучая гостя пить чай.

– Сплошная нелепость, – сказал Ангел. – В каком вы живете милом, забавно-уродливом мире. Подумать только – набивать всякой всячиной рот! Мы пользуемся ртом, только чтобы говорить и петь. Наш мир, знаете, неизлечимо красив. У нас так мало уродства, что мне все это кажется... восхитительным.

Миссис Хайниджер, экономка Викария, подавая чай, неодобрительно покосилась на Ангела. Она его зачислила в разряд «подозрительных просителей». Трудно сказать, кем бы она его посчитала, если бы увидела в шафрановом одеянии.

Ангел, шаркая ногами, прохаживался по комнате – чашка чая в одной руке, бутерброд в другой – и рассматривал мебель. За стеклянными дверьми, окаймляя лужайку, пламенели в жарком свете солнца подсолнух и георгины, а среди них огненным треугольником торчал зонтик миссис Джехорем. Очень смешным показался Ангелу портрет Викария над камином: непонятно было, зачем его туда повесили.

– Вы округлый, – заметил Ангел, кивнув на портрет. – Зачем вам нужен второй, плоский «вы»? – И его чрезвычайно позабавил зеркальный экран перед топкой камина. Дубовые стулья он нашел нелепыми.

– Вы же не прямоугольный, – сказал он, когда Викарий объяснил их назначение. – Мы никогда не складываемся пополам: мы, когда хотим отдохнуть, раскидываемся на асфоделях.

– Сказать по правде, – отвечал Викарий, – стулья всегда вызывали у меня недоумение. Их завели, мне думается, в те давние времена, когда полы были холодные и очень грязные. Я думаю, мы сохраняем их по привычке. У нас это стало как бы инстинктом – сидеть на стуле. Во всяком случае, если бы я зашел навестить одну из своих прихожанок и вдруг разлегся бы на полу, – казалось бы, самое естественное дело, – уж не знаю, как бы она поступила! Во всяком случае, это мигом разнеслось бы по всему приходу. А между тем полулежачая поза представляется мне наиболее естественной для отдыха. Греки и римляне...

– Что это такое? – перебил Ангел.

- Чучело зимородка. Я его убил.

- Убили!

- Подстрелил, - сказал Викарий. - Из ружья.

- Подстрелили! Как меня?

- Вас я, как видите, не убил. К счастью.

- Убивать - значит делать вот такое?

- Да, отчасти...

- Боже! И вы хотели сделать такое со мной, - хотели вставить мне стеклянные глаза и повесить меня в стеклянном ящике, заполненном чем-то очень некрасивым - зеленым и коричневым?

- Видите ли, - начал Викарий, - я ведь не сразу понял...

- Это и есть «умереть»? - вдруг спросил Ангел.

- Это мертвая птица. Она умерла.

- Бедненькая. Я должен побольше есть. Но вы сказали, что вы ее убили. Почему?

- Видите ли, - начал Викарий, - я увлекаюсь птицами, и я их... гм... коллекционирую. У меня не доставало этой разновидности.

Ангел остановил на нем недоуменный взгляд.

- Такую красивую птицу, - сказал он, содрогнувшись. - Потому что вам так вздумалось! У вас не доставало разновидности!

Минуту он размышлял.

- Вы часто убиваете? - спросил он Викария.

Муж науки

XIII

Пришел доктор Крумп. Груммет повстречал его в каких-нибудь ста ярдах от ворот. Это был крупный, грузный человек, чисто выбритый и с двойным подбородком. На нем была серая визитка (он всегда отдавал предпочтение серому) и клетчатый черно-белый галстук.

- Ну-с, что у нас болит? - спросил он еще в дверях и без тени удивления посмотрел в лучезарное лицо Ангела.

- Этот, гм-гм, джентльмен, - сказал Викарий, - или... гм... Ангел (Ангел поклонился) - ранен пулей... Из охотничьего ружья.

- Из охотничьего? - сказал доктор Крумп. - В июле месяце! Могу я взглянуть на рану, мистер... Ангел, так как будто?

- Он, вероятно, сможет облегчить вам боль, - сказал Викарий. - Позвольте, я помогу вам снять сюртук.

Ангел послушно повернулся.

- Искривление позвоночника? - про себя, но достаточно громко бормотал доктор Крумп, обходя Ангела вокруг. - Нет! Аномальный нарост. Ух ты! Вот так штука! - Он ухватил левое крыло. - Очень любопытно, - сказал он. - Двойные передние конечности. Раздвоение клювообразного отростка лопатки. Случай, конечно, возможный, но я с ним встречаюсь впервые. - Ангел дернулся под его ощупывающей рукой. - Плечо, предплечье - лучевая кость и локтевая. Все налицо. Несомненно, прирожденное. Перелом плеча. Любопытное изменение

кожного покрова – перообразное. Ей-богу, почти крыло! Представляет, верно, большой интерес для сравнительной анатомии. Никогда не видел ничего подобного!.. Как вы, однако, попали под выстрел, мистер Ангел?

Викарий был неприятно поражен грубым практицизмом врача.

– Наш друг! – Ангел кивнул на Викария.

– К несчастью, это дело моих рук, – сказал Викарий и вышел вперед, чтобы дать объяснение. – Я принял этого джентльмена – то есть Ангела (гм-гм) – за большую птицу...

– Вы приняли его за большую птицу! Что же будет дальше? Нам пора заняться вашими глазами, – сказал доктор Крумп. – Я вам и раньше это говорил. – Он продолжал выстукивать и прощупывать, отмечая такт хмыканьем и невнятным бурчанием... – А знаете – для дилетанта повязка сделана очень недурно. Я ее, пожалуй, оставлю, – сказал он. – Любопытное уродство! Вам это не доставляет неудобства, мистер Ангел?

Он неожиданно обошел кругом, чтобы заглянуть Ангелу в лицо.

Ангел подумал, что его опрашивают о ране.

– Да, некоторое, – сказал он.

– Если бы не кости, я посоветовал бы мазать йодом утром и на ночь. Йод – самое верное дело. Смазывая йодом, можно даже лицо сделать совсем плоским. Но костные наросты, разрастание костей, тут, понимаете, дело посложней. Я, конечно, мог бы спилить их. Однако второпях такая вещь не делается...

– Вы о моих крыльях? – Ангел встревожился.

– О крыльях? – сказал врач. – Зовите их, коль угодно, крыльями! О них – а то о чем же?

– Спилить их?! – воскликнул Ангел.

- Не согласны? Что ж, дело ваше. Я вам только могу посоветовать...

- Спилить крылья! Какое вы смешное создание! - Ангел рассмеялся.

- Как хотите, - сказал врач. Он не переносил людей, которые любят смеяться. - Очень любопытные наросты, - сказал он, обращаясь к Викарию. И к Ангелу: - Хотя и неудобные. До сих пор я никогда не слышал о случаях такого полного удвоения - по крайней мере в животном мире. В растительном оно довольно обычно. В вашей семье это у вас одного? - Он не стал ждать ответа. - Частичное расщепление конечностей, такие случаи, мой милый Викарий, довольно обычны; знаете, шестипалые дети, телята о шести ногах или кошки с двойными пальцами. Разрешите, я вам помогу, - обратился он к Ангелу, который никак не мог управиться с сюртуком. - Но такое полное удвоение, да еще такое крылоподобное! Далеко не столь примечательно было бы, имей он попросту вторую пару рук.

Сюртук наконец надели. Врач и Ангел посмотрели друг на друга.

- Правда, - сказал доктор Крумп, - начинаешь понимать, как возник этот красивый миф об ангелах. Вид у вас несколько чахоточный, мистер Ангел, вас не лихорадит? Слишком яркий румянец - чуть ли не худший симптом, чем чрезмерная бледность. Любопытно, что ваша фамилия - Ангел. Я вам пришлю жаропонижающее питье - на случай, если ночью появится жажда...

Он сделал пометку на манжете. Ангел следил за ним задумчиво, с засветившейся в глазах улыбкой.

- Одну минуту, Крумп, - сказал Викарий и, взяв доктора под руку, проводил его до дверей.

Улыбка Ангела засияла ярче. Он глянул вниз на свои обутые в черное ноги.

- Он положительно думает, что я человек! - сказал Ангел. - Как он отнесся к крыльям, меня просто поразило. Какое же он смешное создание! Нет, сон и вправду необыкновенный!

- Вы не поняли, - шептал Викарий. - Он и есть ангел.

- Ш-ш-то-о? - чуть не взвизгнул Доктор. Его брови поднялись, он улыбнулся.

- А крылья?

- Вещь вполне естественная, вполне... Небольшое отклонение от нормы.

- Вы уверены, что эти крылья естественны?

- Все, что существует, дорогой мой, естественно. Неестественного в мире не бывает. Если бы я думал, что бывает, я бросил бы практику и постригся в монахи. Бывают, конечно, аномалии. И даже...

- Но то, как я на него набрел... - начал Викарий.

- Да, расскажите мне, где вы его подобрали? - сказал Доктор. Он уселся в прихожей на столике.

Викарий начал, помявшись - он не был искусным рассказчиком, - со слухов о большой странной птице. Говорил он неуклюжими фразами (он хорошо знал своего епископа и, имея всегда перед глазами этот устрашающий пример, избегал привносить в повседневную речь тот стиль, которым пользовался в своих проповедях), и через каждые его три-четыре фразы Доктор слегка кивал головой и всасывал уголки губ, как бы разделяя рассказ на этапы и отмечая, что пока все в нем шло так, как и должно было идти. «Самовнушение», - пробурчал он раз.

- Извините? - переспросил Викарий.

- Ничего, - сказал Доктор. - Уверяю вас, ничего. Продолжайте. Так что же дальше? Это все чрезвычайно интересно.

Викарий рассказал, как он взял ружье и пошел на охоту.

- После дневного завтрака, так вы сказали? – перебил Доктор.

- Сразу после завтрака, – подтвердил Викарий.

- Этого, вы сами знаете, вам делать не следовало. Но прошу вас, продолжайте рассказ.

Он дошел до того, как, поднявшись к калитке, увидел Ангела.

- Стоя на солнцепеке, – ввернул Доктор. – В тени было двадцать шесть.

Когда Викарий кончил, Доктор сжал губы еще плотней, чем раньше, чуть улыбнулся и многозначительно посмотрел Викарию в глаза.

- Вы не... не думаете, – начал Викарий, запинаясь.

Доктор покачал головой.

- Позвольте, – сказал он, взяв Викария за локоть.

- Вы выходите, – говорит он, – на полный желудок и в самую жару. На солнце уж, верно, выше тридцати. В вашем сознании, насколько оно наличествует, вихрятся мысли о чем-то крылатом. Я говорю «насколько наличествует», потому что большая часть вашей нервной энергии отлила книзу, на переваривание съеденного завтрака. Человек, валявшийся в орляке, встает перед вами, и вы палите, не целясь. Он кидается вверх по косогору... и тут оказывается... оказывается... что у него удвоение верхних конечностей, причем вторая их пара имеет некоторое сходство с крыльями. Конечно, это не более как совпадение. Ну, а радужные краски и прочее... Разве раньше у вас никогда не плавали перед глазами цветные пятна в яркий солнечный день?.. Вы уверены, что они были только на крыльях и больше нигде? Припомните.

- Но он и сам говорит, что он ангел! – возразил Викарий, выпучив круглые глазки и глубже засунув в карманы свои пухлые ручки.

- Эге! – произнес Доктор, сверля его глазами. – Так я и полагал. – Он умолк.

- А вы не думаете... - начал Викарий.

- Этот человек - имбецил, - сказал Доктор тихо и внушительно. - Им-бе-цил.

- Кто? - переспросил Викарий.

- Имбецил. Слабоумный. Вы не обратили внимания на женственность его лица? На его бессмысленный смешок? На его длинные волосы? И посмотрите, как он одет...

Рука Викария потянулась к подбородку.

- Это все признаки слабоумия, - сказал Доктор. - Многие дегенераты этого типа проявляют такую же склонность - присваивать себе какое-нибудь величественное наименование, намекающее на грозную силу. Один называет себя принцем Уэльским, другой - архангелом Гавриилом, третий - самим Господом Богом. Ибсен мнит себя Великим Учителем, а Метерлинк - новым Шекспиром. Я недавно читал об этом - у Нордау. Несомненно, это странное, прирожденное уродство подсказало ему мысль...

- Но право же... - начал Викарий.

- Я не сомневаюсь, что он сбежал из приюта.

- Я не могу полностью принять...

- Вам придется. А нет, так на то есть полиция, или, на худой конец, можно дать объявление; впрочем, его родные, возможно, пожелают избежать огласки... Кому приятно, если в семье...

- Он с виду совершенно...

- Не пройдет и двух дней, как его начнут разыскивать друзья, - успокоил Доктор, потянувшись за своими часами. - Он, я полагаю, живет неподалеку от наших мест. С виду он безопасен. Я, пожалуй, загляну к вам завтра еще раз посмотреть его крыло. - Крумп соскользнул со стола и выпрямился.

– А бабушкины-то сказки крепко в вас засели, – сказал он, похлопав Викария по плечу. – Но, знаете – ангел, это уж... Ха-ха-ха!

– А ведь я и в самом деле подумал... – проговорил с сомнением Викарий.

– Взвесьте факты, – сказал Доктор, все еще нащупывая часы, – взвесьте все факты на весах нашего точного анализа. Что от них останется? Всплески красок, игра фантазии, *muscae volantes*[5 - Летающие мошки (лат.)].

– А все-таки, – молвил Викарий, – я мог бы присягнуть, что крылья радужно сияли и что...

– Подумайте хорошенько (Доктор вынул часы): зной, слепящее солнце; голову напекло... Но мне в самом деле пора. Без четверти пять. Я навещу вашего... ангела (ха-ха!) завтра днем, если его тем временем никто не заберет от вас. Повязку вы сделали в самом деле очень недурно. Мне это льстит. Значит, мы не зря проводили занятия по оказанию первой помощи... Всего хорошего.

Помощник Викария

XV

Викарий полумашинально отворил дверь, чтобы выпустить Крумпа, и увидел своего помощника Мендхема, который шел по аллее вдоль стены мышиного горошка и таволги. Тут его рука потянулась к подбородку, в глазах отразилось смущение. А ну как он и впрямь обманулся? Проходя мимо Мендхема, Доктор высоко поднял шляпу над головой. «Умнейший человек, этот Крумп, – подумал Викарий, – и куда вернее судит о твоём рассудке, чем ты сам». Викарий так остро это почувствовал. Тем трудней представилось предстоящее объяснение. А ну, как он вернется сейчас в гостиную и увидит спящего на коврике простого бродягу?

Мендхем был щупленький человечек с величественной бородой. Казалось, весь рост у него ушел в бороду, как у горчицы в семя. Но когда он говорил, вы убеждались, что у него есть также и голос.

- Моя жена пришла домой в ужасном состоянии, - прогремел он еще издалека.

- Заходите, - сказал Викарий, - заходите. Замечательный, знаете, случай...
Пожалуйста в дом. В мой кабинет, прошу. Я чрезвычайно сожалею. Но когда я все вам объясню...

- И, надеюсь, принесете извинения, - прогремел Помощник.

- И принесу извинения. Простите, не сюда. В кабинет.

- Так кто же была эта женщина? - сказал Помощник, обернувшись к Викарию, едва тот прикрыл дверь своего кабинета.

- Какая женщина?

- Ну-ну-ну!

- Нет, в самом деле?

- Накрашенная особа в легком наряде - скажем откровенно, в возмутительно легком, - с которой вы прогуливались по саду.

- Мой дорогой Мендхем... это был Ангел!

- Ангел, да и прехорошенький, а?

- Мир становится таким прозаическим, - вздохнул Викарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В ложном плече (лат.).

2

Ночная рубашка (франц.).

3

Чересчур (франц.).

4

Букв. «без штанов» (франц.).

5

Летающие мошки (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gerbert-uells/chudesnoe-poseschenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)